

К ЮБИЛЕЮ ПОБЕДЫ

DOI 10.37386/2305-4077-2020-4-6-24

Н. В. Ковтун¹

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева*

ТЕМА ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Статья посвящена проблеме памяти в отечественной прозе второй половины XX–XXI вв. Представлены периодизация этой литературы, ее ведущие направления: историческое, онтологическое, экзистенциальное и собственно эстетическое, характеризующее литературу последних десятилетий. Дана развернутая характеристика ключевых текстов, особенности их идеологии, поэтики с точки зрения трактовки темы памяти (от «лейтенантской прозы» до произведений И. Бояшова, Е. Водолазкина, Г. Яхиной, С. Самсонова). Показано, как меняются понимание миссии русских в Великой Отечественной войне, трактовка образа врага, сама структура памяти. Анализируется социально-историческая память о войне, куда входит и мотив родовой памяти. Огромную роль играют мотивы экзистенциальной, эвристической памяти и памяти культуры. Становится очевидным, что наша память о войне латентна, жива, невоинственна, в произведениях последних лет, однако, есть и элементы разрушающей памяти, связанные с трагическим осознанием цены Победы, сомнениями в жизнеутверждающей ценности нашей миссии.

Ключевые слова: литература войне, «лейтенантская проза», тема памяти, направления современной прозы, В. Быков, В. Астафьев, И. Бояшов, Е. Водолазкин

N. V. Kovtun

Krasnoyarsk state pedagogical University named V. P. Astafiev

THEME OF MEMORY IN MODERN PROSE ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article is devoted to the problem of memory in Russian prose of the second half of the XX–XXI centuries. The periodization of this literature, its leading directions are presented: historical, ontological, existential, and aesthetic, which characterizes the literature of recent decades. A detailed description of the main texts, features of their ideology, poetics for the interpretation of the theme of memory (from 'lieutenant's prose' to the works by I. Boyashov, E. Vodolazkin, G. Yakhina and S. Samsonov) is given. It shows how the understanding of the mission of Russians in the Great Patriotic War, the interpretation of the image of the enemy, the very structure of memory are changing. The socio-historical memory of the war is analyzed, which includes the motif of ancestral memory. The motifs of existential, heuristic memory and

¹ Наталья Вадимовна Ковтун, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры мировой литературы и методики ее преподавания КГПУ им. Астафьева. Член Президиума Общества русской словесности; член Открытого Международного научного сообщества «Русская словесность: духовно-культурные контексты»; руководитель Красноярского РО Общероссийской общественной организации «Ассоциации преподавателей русского языка и литературы Высшей школы»; член Координационного Совета Общероссийской общественной организации «Ассоциация преподавателей русского языка и литературы Высшей школы»; член Научного совета Музея В. Г. Распутина (Иркутск).

cultural memory play a huge role. It becomes obvious that our memory of the war is latent, alive, non-military, in the works of recent years, however, there are elements of destructive memory associated with the tragic awareness of the terrible cost of Victory, doubts about the life-affirming value of our mission.

Keywords: literature of war, “lieutenant prose”, the theme of memory, trends of modern prose, V. Bykov, V. Astafiev, I. Boyashov, E. Vodolazkin

Литература о Великой Отечественной войне – совершенно особый документ эпохи, ее важнейший сюжет – сохранение *памяти о трагедии*², война не закончилась ни в 1945 г., ни позже, но осмысление итогов войны стало *процессом гражданского самоопределения*, не имеющим финала, ведь этот процесс продолжается и сегодня. В одном из последних интервью В. Распутин, написавший одну из лучших повестей о войне – «Живи и помни» (1974), сказал: «Сколько в человеке памяти, столько в нем и человека. Сколько памяти – столько жизни в прошлом и будущем». А потом добавил: «Наша литература, как мы говорим и как оно есть на самом деле, – литература памяти» [Распутин, 1987, с. 151].

В произведениях второй половины XX – начала XXI вв. тема памяти ключевая. Вопросы об избирательности личной и исторической памяти, о механизмах памяти и защитных структурах забвения (с чем отчасти связано усиление пацифистских мотивов в литературе XXI в.), о долге перед ушедшими и катастрофичности военного опыта как такового занимают всех. Память – самый надежный путь к правде минувшего, постигаемой сегодня, но и самый болезненный, если мы говорим о памяти военных лет. Актуализация темы памяти, как правило, сочетается с обострением чувства вины за произошедшую онтологическую катастрофу и потому эта память так мучительна, все менее связана с идеей подвига, но более с мыслью о непоправимости потерь, о неповторимости каждой человеческой жизни, унесенной, искорёженной войной.

Тема войны в литературе – не только и не столько тема тактики и стратегии военных действий, сколько проблема личности, поставленной в кромешные условия, проблема цены вхождения из жизни в войну/смерть и, победителем, из войны в мир, что порой не менее страшно для человека, несущего память о пережитом. Тема войны – это и проблемы «потерянного поколения», сиротства, безотцовщины, обесценивания человеческой жизни [Бочаров, 1973], о чем заговорила уже военная проза конца 1980–1990-х гг. В означенное время возобновляется общеевропейская дискуссия о вине немцев во Второй мировой войне («Спор историков» 1985–1987 [Jurgen, 1995]), когда были открыты архивы, ряд секретных документов. В итоге перестраивается активная память немцев о войне, вбирающая память о преступлениях фашизма, об Освенциме и покаянии нации [Пленков, 2014, с. 91–100]. Данные процессы оставили след в культуре Европы в целом [Ковтун, Ларина, 2020, с. 49–60]. Россия заплатила самую большую цену за Победу, и потому так трудно об этом говорить по сей день. Такой опыт тяжек, травматичен, он изменил историю страны и облик нации, ее будущее.

² Курсив и жирный шрифт везде наш. – Н.К.

Писать подлинную, большую прозу о войне стали далеко не сразу, потребовались годы, чтобы вернувшиеся смогли свой опыт принять, проговорить. В. Астафьев признавался, что после войны ни вспоминать, ни писать о пережитом не мог, не хватало сил, дыхания, такой болью отдавалась мысль о военном прошлом: «Нет у меня светлых воспоминаний о войне. Война – дело страшное, кровавое, тяжелое» [Астафьев, 1989, с. 11]. У В. Шукшина в рассказе «Бессовестные» (1969) есть трагическая сцена на кладбище девятого мая, крестьяне тихо называют имена погибших и молчат, словно бояться нарушить тишину, которая только и нужна в эту минуту. Так автор передает и скорбную память, и чувство вины, что живые испытывают перед павшими. Писатель свидетельствует, что подвиг, опыт фронтовиков не оценен в послевоенной жизни нации. В его рассказах война дана в лаконичных *эпизодах-воспоминаниях*, скупых упоминаниях, включенных в абрис современности. Писатель одним из первых показал противоречивое осознание войны народной памятью – это не возвеличивание подвига, но умолчание военного опыта, ибо он сверх/за гранями норм бытия [Рыбальченко, 2011, с. 100]. И после возвращения к мирной жизни, онтологические законы не были восстановлены, жизнь человека умахалась в своей цене, а значит умахалась и важность бытия, завоеванного огромными жертвами и потерями на войне.

В. Распутин считал, что история страны войной искорежена, буквально выбито мужское поколение, ушли молодыми лучшие, и эти потери невозполнимы – остался опыт внутренней усталости, надорванности нации. В итоговой повести автора «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003) об этом говорит один из героев, отец Тамары Ивановны, фронтовик, объясняя «мужицкую усталость» пережитой войной. В послевоенном бытии мужскую роль вѣдунѳв и защитников были вынуждены взять на себя бабы, что изменило и их собственные судьбы. Один из лучших авторов, писавших о войне, – В. Быков – рассматривает войну в горизонте экзистенциального испытания, когда ценны не столько способность к ратному подвигу, сколько мужество оставаться человеком, нести свою душу, сохранить память о пережитом – об этом повести «Дожить до рассвета» (1972), «Карьер» (1986) [Ковтун, 2010, с. 17–21].

Время самой войны в литературе стало временем поэзии. Стихи писали в окопах и на передовой, поэтическая форма позволяла мгновенно, емко откликнуться на происходящее, иные жанры требовали времени, и, если угодно, расстояния, своей философии, позиции в бытии, которая не вдруг складывалась. Корпус прозы о Великой Отечественной войне разнообразен, с определенной долей условности здесь выделяются несколько направлений: *историческое, онтологическое, экзистенциальное* и собственно *эстетическое*, характеризующее актуальную прозу о войне, созданную в XXI в. теми, кто не воевал [Аристов, 2020, с. 30–36].

К первому направлению, *историческому*, относятся книги, где военные события вписаны в историю страны и мира, претендуют на эпический охват. Это произведения очень разные по художественному уровню; сюда можно отнести и панорамные романы первых послевоенных лет: текст «Живые и мертвые» (1958–1972) К. Симонова, написанный на основе мемуаров автора, произведения В. Гроссмана (романы «За правое дело», 1952, «Жизнь и судьба», 1980), отчасти прозу А. Солженицына, включая великие эпические рассказы, «Архипелаг ГУЛАГ», где война предстает фатумом человечества.

Онтологическая проза о войне берет основания в литературе «окопной правды», восходит к знаковой книге Вик. Некрасова «В окопах Сталинграда» (1946), в известной степени ей наследуют и «проза лейтенантов». «Именно здесь эстетические принципы, отчасти только заявленные в “Окопах Сталинграда”, были реализованы, образовав целостную художественную систему масштаба жанрово-стилевого “потока”» [Лейдерман, 2005, с. 352]. В этой литературе война становится испытанием самой человеческой природы, «голового человека», лишённого всего, что необходимо для жизни. Так старшина Мохнаков, бывалый солдат, учит молоденького лейтенанта Бориса Костяева в повести В. Астафьева «Пастух и пастушка» (1989): «Война ведь это, война, не кино! Пойми ты! Тут, видал, голый голого тянет и кричит: “Рубашку не порви!”» [Астафьев, 1997, с. 76]. Образ «голового человека» ключевой и в одной из самых пронзительных повестей К. Воробьева «Это мы, Господи» (1986). В этом отношении онтологическая проза о войне близка поэтике «лагерной прозы», посвященной эзку – голому человеку, лишённому всего, вплоть до креста нательного [Ковтун, 2019, с. 157–168].

В пределах данного направления складывается и «военная проза» конца 1980 – начала 1990-х, главный пафос которой – утверждение ценности каждой человеческой жизни, перечеркнутой войной [Маркова, 2016, с. 173–176]. Это и повесть М. Кураева «Блок-ада» (1994), поздние тексты В. Астафьева, роман Г. Владимова «Генерал и его армия» (1994), вызвавшие жесткую полемику в критике [Богомолов, 1995, с. 79–103; Кардин, 1995, с. 199–210]. В этом ряду можно назвать и актуальный текст И. Бояшова «Танкист, или “Белый тигр”» (2008). Во всех названных произведениях акцентируется проблема цены Победы, жертвы, принесенной русскими солдатами. «Мы просто не умели воевать, мы просто залили своей кровью, завалили своими трупами фашистов», – жестко резюмирует В. Астафьев. Герой Г. Владимова – генерал Кобрисов – размышляет о четырехслойной русской тактике: «И похоже, вводилась единственно теперь спасительная тактика, которую Кобрисов про себя называл “русской четырехслойной”: три слоя ложатся и заполняют неровности земной коры, четвертый – ползет по ним к победе» [Владимов, 1995, с. 59]. В тексте И. Бояшова подобная стратегия уже характеризуется как традиционная для русских воинов, которые и на войне отличаются особой жертвенностью, отнюдь не сводимой к просчетам конкретных военачальников: «Царские армии воевали точно так же (если не хуже): достаточно внимательно почитать источники. Косность, негибкость, наступление огромными массами в лоб – как это для нас вообще характерно! Считалось особым героизмом идти прямо на пулеметы, да как каппелевцы. Да еще ровным строем! От Крымской войны до начала Второй Мировой мы видим все то же традиционное шапкозакидательство и, зачастую, преступное разгильдяйство» [Бояшов, 2019, с. 27].

Направление, означенное *экзистенциальной* проблематикой, когда война из события истории превращается в переживание личности, составляют знаковые тексты Ю. Казакова, В. Быкова, «Пастух и пастушка» В. Астафьева, повесть В. Распутина «Живи и помни» [Ковтун, 2015, с. 122–136], ряд текстов К. Воробьева, рассказы В. Шукшина, затрагивающие тему войны. Война в прозе названных авторов

скорее фон, на котором разыгрывается внутренняя драма, рассказывающая историю мытарств человеческой души по кругам ада. Эта литература открывает сокровенные тайны о человеке, поставленном в предельную ситуацию, здесь возрождаются элементы мистики, библейская символика и образность [Ковтун, 2015, с. 232–241]. В произведениях отступает историческая логика, чтобы высветить уровень нравственных отношений. Известно, что в переписке В. Астафьева и В. Распутина первый попенял Валентину Григорьевичу, что финал повести «Живи и помни» нелогичен, в тайге можно было легко затеряться, и терялись в войну: «Именно финал Виктор Петрович вдруг предлагает автору переиначить. Мол, зачем ей, героине повести, погибать... “Твоей Настёне с ребёнком, да и вместе с мужем затеряться было в любом леспромхозе – тьфу! Раз плюнуть...”» [Астафьев, 2012, с. 20]. В. Распутина же важно было показать накал человеческих отношений, их внутреннюю, духовную завершённость, вопреки исторической фактографии.

В. Быков признается: «Повелось так, что я свои идеи, часто общечеловеческого морального плана, решаю на материале войны. Вероятно, потому, что прошедшая война всеобъемлюща и там всему есть место» [Повести о войне, 1975, с. 2]. И сам человек становится по значимости, по сложности бытия равен миру, его судьба вписывается в абрис Вечности. На смену массам, батальонам литературы социалистического реализма в экзистенциальной прозе приходит отдельный человек; исторические, ключевые события Великой Отечественной войны отступают на второй план, становится важна *тема незаметного подвига*, от которого не зависит исход войны, но личная ситуация героя. В рамках экзистенциального направления формируется и тема *долга перед погибшими*, образ «говорящих мертвых», зывающих к живым.

Наконец, *эстетическое* направление связано с литературой о войне 2000-х гг., написанной теми, кто не воевал. Здесь «структура памяти» работает иначе, иные и собственно художественные задачи – осмыслить войну в аспекте мировой культуры-памяти. Авторы ищут культурные коды, сюжеты, аналогии для передачи трагического военного опыта прошлого. Неслучайно этот прием намечен уже в лучших текстах В. Астафьева, позднего В. Быкова, но в ключевых произведениях сегодняшних авторов, в произведениях И. Бояшова, С. Самсонова, Е. Водолазкина, Г. Яхиной, – он определяющий [Скаковская, 2015, с. 107–113]. Тексты данного периода отмечены пафосом пацифизма, что особенно ярко сказалось в очень спорной повести «Верные друзья» (2013) Водолазкина [Бернадская, 2017, с. 128–143].

Анализ темы памяти логично начинать с «лейтенантской прозы», с которой связано становление классических направлений литературы о Великой Отечественной войне. Генезис этой прозы восходит к периоду «оттепели». В конце 1950-х формируются важнейшие художественные линии, определившие картину литературной жизни России на десятилетия: «*деревенская проза*», позже названная традиционалистской; *исповедальная*, куда входит и военная лирическая повесть, и *проза, открывшая тему ГУЛАГА*. Тема расчеловечивания человека в сталинских лагерях оказалась по поэтике, пафосу близкой литературе «окопной правды». В романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» война становится и моментом истины, заставляет героев иначе прочесть идеи нации [Нонака, 2015, с. 41–44], большевизма и сталинизма, открыть обличительное сходство тоталитарных режимов.

«Лейтенантская проза», продолжая традиции литературы «окопной правды», покажет войну не через призму Победы, а как страшную, грязную, тяжелую мужскую работу. Так войну описывают ранний Ю. Бондарев, В. Астафьев, В. Быков, К. Воробьев. «Лейтенантская проза» в целом создана очевидцами, теми, кто родился в 20-е гг. и уходил на фронт со школьной скамьи. Из этого поколения на каждых сто человек ушедших вернулись только трое (и это по официальным данным). Выжившие, те, кто прошел через ужас, грязь и отчаяние, уже не могли трепетать перед Системой. Война открывала возможность спасения подлинных смыслов, нация получила шанс освободиться от страха доносов, репрессий, лагерей, ощутить подлинное внутреннее единство: «Предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание», – пишет в романе «Доктор Живаго» Б. Пастернак [Пастернак, 1988, с. 107]. Пришедшие в 1945-м вынесли из пережитого особое настроение, особый накал бесстрашия и долг памяти перед погибшими, что сразу отразилось в лирике: Ю. Друнина, С. Орлов, Е. Винокуров.

«Прозу лейтенантов» отличает удивительная искренность переживаний, особый душевный накал, понимание долга перед памятью военных лет, поэтому писатели стали и первыми критиками друг друга. Тексты скрепляет устойчивая жанрово-стилевая общность, ее стержень *фронтовая лирическая повесть*, расцвет которой пришелся на конец 50-х – 60-е гг. [Лейдерман, 2003, с. 164]. Классикой направления называют повести «Батальоны просят огня» (1957), «Последние залпы» (1959) Ю. Бондарева, «Пядь земли» (1959) Г. Бакланова, «До свиданья, мальчики» (1961) Б. Балтера, «Звездопад» (1961) и «Пастуха и пастушку» В. Астафьева, повести В. Быкова, «Крик» (1962) и «Убиты под Москвой» (1963) К. Воробьева. Импульс, который объединяет поколение, – протест против лакировочной литературы о войне, против ложного пафоса, театрализации военных действий.

В этой прозе огромную роль играют воспоминания героев, образы детства, дома, близких. Фрагменты-воспоминания выступают здесь и как средство создания характера героя (образ Бориса Костяева в повести В. Астафьева, лейтенанта Агеева в «Карьере» В. Быкова), и как способ выражения авторской позиции (в прозе К. Воробьева, написанной от первого лица, воспоминания отсылают к авторским мемуарам), и как сюжетно-композиционный прием (мотив поминального плача в «Пастухе и пастушке...» В. Астафьева). Концепция памяти включает нравственную оценку военного прошлого, ей проверяется настоящее и будущее, что затем отразится в «Моем лейтенанте» (2011) Д. Гранина, в «Блоке-ада. Праздничной повести» (2015) М. Кураева.

Герой «лейтенантской прозы» – вчерашний мальчик, авторы наделяют его не только собственным биографическим опытом, но памятью поколения, создают обобщенный образ ровесника. Герой наивен, строг, чист и невинен (как русские мальчики Ф. Достоевского), он только открывает большой мир, открывает с книжными истинами (отсюда важность мотива *памяти культуры*), когда безусловны вера в доброту, милосердие и справедливость. Таков образ Бориса Костяева из «Пастуха и пастушки», что очевидно уже в деталях портрета:

«Этот парень, без единого пятнышка на лице, с безгрешным взглядом», старшина Мохнаков характеризует взводного: «Светлый парень» [Астафьев, 1997, с. 49]. Отдельность Бориса воюющим подтверждена его особым мистицизмом (роль вещей снов, видений), мечтательностью, погруженностью в книжную, высокую культуру, выступающую своеобразным духовным оберегом: без книг «убивать легче, жить проще». Лейтенант – единственный из бойцов назван по имени, что, в соответствии с русской православной традицией, указывает на высшее предназначение – в имени дан код судьбы как Суда Божия [Булгаков, 1996, с. 86]. Война становится главным испытанием в жизни лейтенантов. Причем, никакого другого жизненного опыта у них за плечами еще нет, в экстремальных ситуациях им зачастую не на что опереться. Герои сразу входят во взрослую жизнь и вынуждены нести ответственность за жизнь батальонов.

В этих повестях оформляется своя типология персонажей: *лейтенанты-интеллигенты*, неприспособленные к войне (в «Батальонах...» филолога Кондратьева медсестра Шурочка опекает как ребенка, Бориса Костяева наставляет старшина Мохнаков); *жесткие прагматики*, обжившиеся на войне как на работе, воюющие четко, умело, без сантиментов (комбат Борис Ермаков в «Батальонах...»); *романтики*, мечтающие «о доблестях, о подвигах, о славе...», и те, для кого *война стала судьбой*, вне которой они себя уже не мыслят (образ старшины Мохнакова), но все они за один миг мирной жизни готовы отдать любые награды. Совсем особый статус у женщины на войне, она становится и возлюбленной, и матерью, и утешительницей, и святой, и плакальщицей по погибшим, поминающей их.

У женщин свой счет к войне, она лишает их судьбы, мужей, сыновей – будущего. И остается только память. Пронзительнее всех об этом напишут Б. Васильев, В. Быков, В. Астафьев, Ю. Нагибин в «Терпении» (1994). В «Пастухе и пастушке» воплощен женский богородичный образ. Повесть имеет кольцевую композицию, выстроенную по аналогии с *поминальным плачем*, это и мольба о встрече, отпущении грехов, и прощание с жизнью. Начальный эпизод произведения почти без изменений дублируется последним. Картина «тихого поля», немного, непаханого – символ энтропии, разрушения жизни. Одинокая солдатская могила затянута «травой проволочником и полынью», знаменующими грядущую пустоту. Звезда «полынь» в Откровении Иоанна Богослова – знак конца, Апокалипсиса. Татарник, проволочник – колючие растения, враждебные человеку, символ греха (Быт. 3:8), наказания (Терновый венец). Мотив терний развивает мотив реального и духовного бесплодия (образ «старчески потрескавшейся земли»). В мессианские последние времена вместо терний вырастут кипарисы (Ис. 55:13), однако автор-повествователь не разделяет надежду на духовное восхождение человечества, отказавшегося от миссии сеятеля, выбравшего путь бунта и гордыни [Ковтун, 2007, с. 81–104].

В «лейтенантской прозе» все события выстраиваются окрест человека, личность фокусирует мир. Доверительный характер обеспечивает момент совпадения автора с героем, повествование ведется, как правило, от первого лица, читателя захватывает интонация особой близости пережитого. Своеобразие

героя определяет и стилевую доминанту – взгляд юности на события всегда свеж, полон надежды, но читатель уже знает, что этим надеждам сбыться не суждено. Ради этого опыта прозрения и пишутся книги. Однако, взгляд лейтенантов – не суровой, безысходный взгляд позднего В. Астафьева или В. Быкова, где война суть Апокалипсис, Исхода из которого нет. В «лейтенантской прозе» герой полон любопытства к миру, эта литература детальна, эффектна, символична, что позволяет говорить о притчевости повествования. Поколение авторов-лейтенантов не случайно обвинят в особой пристрастности к традиции Ремарка, появляется и специальный термин – «ремаркизм» [Топер, 1961, с. 20–51].

Детали будут играть важную роль, подчеркивать абсурд происходящего: во время затишья те же лейтенанты превращаются в настоящих мальчишек, кокетничают с медсестрами, гусарят, рвут яблоки в чужом саду. Эти картины сочетаются с жесткими натуралистическими зарисовками окопного быта, когда окоп и есть мир, где спят, едят, оправляются, откуда уходят на смерть. Жизнь в окопе – жизнь не в полный рост, скрючившись, и это, возможно, страшнее всего. Поэтому самые высокие слова отданы пехоте, героизм которой даже не в атаках явлен, а в страшном окопном быту: «Ведь основная масса народа в окопах сидела, а не в штабах. Если это окопная правда, то это народная правда», – скажет спустя годы Г. Бакланов [Бакланов, 1989, с. 271]. Об «окопной правде» его же «Пядь земли» (1959), «Пастух и пастушка» В. Астафьева, этот мотив обыгрывает Е. Водолазкин в повести «Верные друзья».

Жесткий натурализм добавит и разбавит экспрессия, яркость юношеского переживания мира, сцены природы, звездного неба, первой любви, как в «Альпийской балладе» (1964) В. Быкова, «Звездопаде», «Пастухе и пастушке» В. Астафьева. Сама близость смерти обострит восприятие бытия, все, что казалось привычным в мирной жизни, на войне приобретет особую пронзительность. Здесь любовь, верность, дружество измеряются судьбой: «Смерть и жизнь – на фронте это всегда рядом» [Бакланов, 1989, с. 294]. Лейтенант Ермаков (подчеркнутая аналогия с образом Ермака) из «Батальонов...» оценит подлинное чувство медсестры Шурочки, когда чудом выйдет один из окружения, как с того света вернется, оставив смерти весь батальон. Мишка из «Звездопада» от Лиды откажется, ибо не хочет видеть ее вдовой. Любовь на войне чаще оборачивается внутренним надрывом, трагедией, так встреча с Люсей ослабит душу Бориса, память о любви сделает невозможным участие в войне: «До конца не понятая, до конца не увиденная женщина большой тоской остановилась в нем, и тоска эта красной корью испекла его душу» [Астафьев, 1997, с. 135].

Как бы ни было страшно столкновение жизни и смерти, ситуация боя, главный конфликт «лейтенантской прозы» *внутренний*, а не внешний, конфликт любви и долга, страха и верности, справедливости и права на приказ. Война часто только фон, предельная ситуация, где человек проявляет себя. Уже в этой прозе отступает *образ врага*, на первый план выдвигается тема памяти о произошедшей катастрофе. Меняется и понимание русскими собственной освободительной миссии. Жертвами войны становятся все – свои и чужие солдаты, у них и окопы, страхи, военные будни

общие. Отсутствие образа врага обращает вопрос вины за происходящее не вовне, но во внутренние пределы национального бытия, миссия героев-освободителей, с которой соотнесена ортодоксальная советская литература, в «лейтенантской прозе» теряет безусловность. Проблематизация образа врага актуализирует тему вины, потерь и страданий. Военный конфликт в прозе лейтенантов – скорее конфликт между своими, как, например, между лейтенантом Ермаковым и полковником Иверзевым, отправившим батальон на верную гибель, чтобы отвлечь внимание фашистов от главного удара. Победители в этой прозе все чаще осознают себя жертвами (судьба Бориса Костяева, лейтенанта Агеева из «Карьера»), утверждаются мотивы общей вины, национальной катастрофы, которые будут только усиливаться в военной прозе рубежа XX–XXI вв. Победа, которая казалась в 1945 г. безусловной, постепенно ускользает, разрушая надежды и судьбы.

Эту мысль об ответственности всех живущих за произошедшую катастрофу с предельной категоричностью выразит в итоговом романе «Прокляты и убиты» (1992–1994) В. Астафьев. Книгу пронизывает чувство глубокого пессимизма в отношении человека вообще, когда война – рок человечества. «Лейтенантская проза» такого отчаяния еще не знает, она в особый ряд выделит такие ценности, как память, совесть и чувство долга, причем высокими словам о долге перед Родиной предпочтут слова о долге перед своим братом-солдатом, перед оставшимися в тылу близкими, перед павшими, что приходят во снах. Война здесь никого не освобождает от ошибок, ничего не списывает, напротив, за каждый промах отвечают головой, жизнью сотен солдат.

На войне, как и в мирной жизни, есть жестокосердные, трусы, предатели, толстенные интенданты, смазливые адъютанты, медсестры, упивающиеся своей властью над больными, и генералы, отправляющие солдат на верную гибель ради лишней звездочки на погонах. Именно об этом трагические тексты Г. Владимова «Генерал и его армия», «Прокляты и убиты» В. Астафьева. Народ никогда не бывает хорошим или плохим, он состоит из разных людей, но война обостряет чувства, требует особой чуткости и непримиримости ко злу. Лейтенанты не получают правила жизни готовыми, они входят в войну юнцами, а заканчивают ее уже совсем другими людьми, часто надорвавшимися пережитым. Это проверка не столько на смелость, сколько на *выносливость души*. И даже лучшие с этим далеко не всегда справляются – не пережил расставания с любимой Борис Костяев: после каждой потери «нести свою душу Борису сделалось еще тяжелее», не смог вернуться к заботам мира старшина Мохнаков, как не могут слушать высокую музыку контуженные из повести «Звездопад», ибо музыка и война несовместны. На войне проблема добра и зла решается не абсолютно, а множится на ситуацию, на долг и понятие жертвы. Классические категории добра и справедливости оттеняют чувства милосердия, сострадания, прощания как прощения...

«Лейтенантская проза», развиваясь стремительно, приобретает страшную внутреннюю напряженность, трагичны ее темы и сюжеты, пространство и время предельно сжаты – картины одного боя, что идет на краю земли, выхода из окружения, переправы, «пяди земли». Пережившие это становятся другими,

детство, юность остаются только в воспоминаниях, которые переоцениваются, конструируются заново, приобретают идиллические коннотации. События, что описаны в прозе лейтенантов, проходят на безыменной высоте, далеко от передовой, остаются незамеченными и не восславленными. В «Батальонах...» солдаты погибают, отвлекая огонь противника на себя; «Южнее главного удара» Г. Бакланова имеет говорящее название; «Карьер» о бессмысленной, случайной жертве... Здесь везде мера не Победа, но человеческая жизнь, эта проза противостоит соцреализму прежде всего по пафосу. Нравственный пафос вытеснил героический, поэтому эту литературу вскоре обвинили в излишнем натурализме и дегероизации войны. «Идеологические просчеты», однако, сделали ее актуальной в 1990-е гг. Героическое сознание в известной мере профанируется уже в рассказах В. Шукшина, выписавшего парадоксальный образ Броньки Пупкова в рассказе «Миль пардон, мадам...». Причем, образ солдата сочетает и подлинно высокие черты идеального воина, меткого стрелка, и трагифарсовые приметы трикстера, увлеченного собственной фантазией о покушении на Гитлера [Ковтун, 2011, с. 132–154].

Важнейшим достоинством «лейтенантской прозы» стало совмещение макро- и микромира, человека и Вселенной, поэтому каждая деталь здесь превращена в символ, символичны и названия: «Пядь земли», «Журавлиный крик», «Горячий снег». Человеческая судьба вписана в историю человечества, особую значимость для понимания характеров приобретают стремительные экскурсы в прошлое героев. *Фрагменты-воспоминания* становятся особым литературным приемом, при помощи которого создается художественный мир, соединяющий в себе военное настоящее и идеальное прошлое, мысль о котором спасительна. Воспоминания базируются на восприятии предметного мира, ассоциативных впечатлениях, запахах, звуках, неприметных деталях, способствующих обращению героя к своей памяти. Образ бытия, выстроенный таким образом, приобретает удивительную объемность, конкретику, личность, которой лишена официальная литература о войне. Заслуга «лейтенантской прозы» не просто в словах правды о произошедшей трагедии, но в особой искренности интонации, в доверии к читателю, который и раздвигает границы события сопереживанием, сочувствием.

Одними из ключевых писателей-баталистов, показавших страшную изнанку войны, стали В. Быков, В. Астафьев, В. Распутин, повесть которого «Живи и помни» воплощает активную память человека, который не воевал. Опыт войны в прозе В. Быкова рассматривается как дающий знание человеческой природы, как испытание человеческого в человеке, однако в повестях конца 1980-х гг. усиливается ощущение отчаянности, утраты перспективы, антихристианские в своей основе настроения. В этом направлении будет двигаться и поздний В. Астафьев. Художники в лучших текстах воссоздают универсальную ситуацию встречи мужчины и женщины в военных обстоятельствах, выражают представление о значимости онтологических законов для самоопределения в условиях выбора.

Для В. Быкова тема войны – магистральная, проблема памяти – ключевая. В его творчестве равно важны два аспекта: поведение в пограничной ситуации и духовный потенциал человека. Автор скрупулезно исследует мотивы выбора, путь, пройденный

человеком по лабиринтам собственной души, «карьерам памяти» до встречи с судьбой, «альтернативность которой в наше время выражается предельно просто: жить или умереть» [Быков, 1986, с. 399]. Художнику важен вопрос цены экзистенциального выбора, он указывает на трагическую «неэффективность» самопожертвования и, тем не менее, утверждает ответственность человека за избранную судьбу: «Мое поколение – это поколение несчастных людей. Оно не имело счастья в прошлом и, видимо, не будет иметь в близком будущем. Это поколение жалких людей. Людей, обделенных Богом и в значительной степени – самими собой» [Быков, 2004, с. 7].

Трагическая оценка существования в мире, где нарушена онтология и универсальная этика человеческих отношений, в творчестве В. Быкова основывается на понимании бытия, в котором нет Бога, человек не может опираться на его волю, благословение, потому человеческий выбор ничего не меняет в исторической реальности. Тем не менее, земные судьбы людей определяются поступками, выбор одного человека становится судьбой для другого. В. Быков, В. Астафьев, авторы XXI в. демонстрируют рукотворную природу современного апокалипсиса – войны: «бунтующий человек», жаждущий утвердить собственный порядок любой ценой, приводит к разрушению, смерти. Автор «Пастуха и пастушки» уповает, однако, на вечную силу природы, на женское рождающее начало – залог продолжения жизни. Женщина, выжившая, как сама земля, всем смертям назло, – устойчивый образ астафьевской поэтики. У Быкова природа соучаствует в гибели человеческого мира, в превращении живого в прах, и потому героини обречены, становятся заложницами мужского выбора. Так разрешаются коллизии повестей «Пойти и не вернуться», «Сотников», «Знак беды», «Карьер»; лишь в «Волчьей стае» мужчина искупает поступком свою вину перед женщиной.

Повесть «Карьер» – ключевая для заявленной темы, построена как анализ *экзистенциальной памяти* героя, погружающегося в «карьер собственной памяти». Лейтенант Агеев, измученный чувством неизбывной вины, надеется найти подтверждение, что его возлюбленная не погибла, и тем вернуть утраченный смысл бытия. Герой ищет прощения у потерянной возлюбленной – не у Бога, ибо в поступке реального человека, любимой женщины, открывает высоту духа, бескомпромиссность любви. Отношения героев – Марии и раненого лейтенанта Агеева, встретившихся «посреди войны», пронизаны атмосферой чуда. Автор, однако, демонстрирует силу реальности, требующей выбора здесь и сейчас. Повесть, выстроенная как антиномия прошлого и настоящего, воспоминаний и прагматической реальности, открывает перспективу проверки той системы ценностей, которую исповедуют герои в молодости, и которая оказывается неприложима к послевоенным будням. В данном контексте значим сказочный мотив поиска героем туфельки исчезнувшей возлюбленной как мотив «испытания», получающий в тексте прямо противоположное разрешение: обретение атрибута любимой женщины убеждает Агеева в невозможности встречи с ней, в необратимости собственной вины, только усиливающейся со временем. Мотив неискупленной вины, греха воплощен в тексте через символ Голгофы – ключевой и для всего творчества В. Быкова [Ковтун, 2010, с. 17–21]. Пока лейтенант Агеев ищет способов спасения от выбора, от подозрений в трусости, на Голгофу восходит

женщина – акушерка Евсеевна, спасающая лейтенанту жизнь, попадая Барановская, укрывшая его в своем доме, Мария, отдавшая за него жизнь. Именно женщина бросает вызов «веку-зверю», ее писатель делает носителем этического Абсолюта, совершающей экзистенциальный выбор.

Сюжет повести «Карьер» раскрывается в двух измерениях: в исторической реальности, требующей индивидуального выбора, и в перспективе памяти как вечности – в переключке с множеством типологически схожих ситуаций. Имя героини – Мария – вызывает устойчивую ассоциацию с образом Богородицы, и символизирует женственный вариант человеческой души. Героиня тесно связана с поэтическим словом, национальным фольклором, предстает олицетворением Души своего народа, честь которой попорана фашистами, полицией. Заметим, и в «Пастушке и пастушке» В. Астафьева образ Люси сакрализован: «Женщина со скорбными глазами Богородицы» (в редакции 1989 г.). Возвышенность образа акцентируется его принципиальной непостижимостью: «Никак она не постигалась и не улавливалась».

В «Карьере» антагонистом Марии становится пособник немцев – демагог Ковешко. Лейтенант Агеев впервые видит «странного гостя» под «низкими ветвями» яблони с надкусанным яблоком. Повторяется библейская ситуация искушения, как и в повести «Пастух и пастушка». Ковешко выдает себя за истинного защитника будущей Белоруссии, ее народа-богоносца: «Ведь белорусы – божеской души люди» и мовы [Быков, 1988, с. 164]. Однако для достижения «лучшего будущего» требуется уничтожить инородцев и инакомыслящих: евреев, русских, чтобы выжить под знаменами германцев – «культурной нации». Происходит замена ценностей; в богооставленном мире милость Всевышнего заменена волей фюрера («Другой силы на земном шаре теперь, к сожалению, не существует» [там же, с. 187]), собственными проектами бытия героев (Ковешко, Дрозденко как продолжатели идеи Ивана Карамазова). Только у верующего человека, считает В. Быков, есть подлинная этическая опора (таковы Барановская, Мария, отец Кирилл), остальные делят право хозяйничать в доме-мире, не задумываясь о выборе средств. Тогда существование Марии и есть вызов прагматизму как дьявольскому искушению. Отсюда значимость христианской символики образа: женщина, вопреки библейской традиции, избегает соблазна, перед которым не устоит «новый Адам» – лейтенант Агеев. Интересно, что в «Пастухе и пастушке» главная героиня – Люся – хранит память о погибшем возлюбленном (акцентируется онтологический закон), Мария же – память о Слове, культуре (духоборческий аспект).

В произведениях В. Быкова образы сокровенных героев контаминируются с образами перволюдей: приют влюбленных окружен «вкусной малиновкой» с переспелыми яблоками. Убежищем влюбленных становятся ветхий сарай-«нора» и чердак, заполненный «ворохом книг в темных переплетках», символизирующих память мировой культуры. Подшивка старых журналов хранит фотографии, свидетельства о погибших на прошлых войнах: «Минуту он всматривался в их лица и думал: вот прошло столько лет, и опять то же самое». В одном из убиенных Мария узнает своего лейтенанта: «Вот этот красивый мальчик! – с сожалением сказала она, указывая на фотографию. – Похож на тебя» [там же, с. 212]. Автор выделяет

«молодое безусое лицо» и «пухлые губы» поручика как черты детства. В. Быков свидетельствует – ни в реальности, ни в пространстве мифа, ни в пределах высокой книжной культуры/памяти спасения человеку нет – война все ровно наступит и отомстит. Все персонажи чувствуют: «Жизнь человеческая убыла в цене и, наверное, убудет еще больше» [там же, с. 211].

Экзистенциальная вина персонажа, отправившего Марию на задание, оборачивается приговором и для мира в целом. Ждущая младенца Мария оставляет людям не дитя – взрывчатку в плетеной корзине, напоминающей ясли. Спасение лейтенанта только усиливает его муку от сознания несправимости ошибки: «В свое время он заплатил ЕЮ и был жестоко наказан, потому что ОНА была послана ему для счастья, а не для искупления» [там же, с. 311]. Ошибка провоцирует ситуацию тупика, из которой не видно выхода, потому страдания утрачивают очистительный характер. На месте «карьера памяти» современники возводят птицефабрику, символизирующую будущее беспроблемное общество, в котором все мысли и чувства заранее известны, сложности экзистенциального выбора исключены, память/история переписывается в зависимости от конъюнктуры. Так оправдываются трагические пророчества Е. Замятина, О. Хаксли, Д. Оруэлла.

Подводя итоги, подчеркнём, мы говорили в целом о *социально-исторической памяти* о войне, куда входит и мотив *родовой памяти*, реализованный через воспоминания о доме, близких, через письма родных. Огромную роль в текстах о войне играют мотивы *экзистенциальной, эвристической памяти и памяти культуры*. Образы героев подсвечены фольклорными, библейскими архетипами, что придает им масштабность, символический характер, выводящий далеко за пределы конкретной ситуации. Авторы ищут соответствия реальности и закрепивших ее текстов, способных передать сущность бытия. Тексты оказываются неадекватны реальности, но лишь приближением к ней, способом, моделью познания. Одним из первых об этом скажет В. Шукшин: «Надо же вдуматься в подвиг народа. Вдуматься. А вдумаясь – и начинаешь удивляться. На первый взгляд, он чрезвычайно прост» [Шукшин, 2009, с. 188]. Простота такого жеста как подняться в бой невозможна для понимания, как и то, с какими словами, мыслями, воспоминаниями жил человек на фронте, поэтому и правда почти недоступна. Это напоминает «забытое незабываемое», по Ж.-Ф. Лиотару, которое невозможно представить, пережить [Лиотар, 2001, р. 26–27], а потому травма войны преследует до сих пор. И о ней стараются лишний раз не говорить, чтобы выжить. Но если бы мы не забывали непостижимые травмы, мы не нашли бы сил помнить вообще. Поэтому В. Шукшин так не любил «понятную» войну и в книге, и на экране. Отчасти отразив мифологизированный образ героя-освободителя в одном из самых трагических рассказов «Жена мужа в Париж провожала...» (1971).

В «Пастушке и пастушке» житийный, идиллический, рыцарский, романтический коды подвергается авторскому острашению, ибо ни один из них не помогает постичь жуткую реальность войны. Книжная память неполна, субъективна, ненадежна, но она живет в веках. Оставленное Богом человечество осеняет крестом художник, понимая обреченность и собственной жертвы – за распятием не следует воскресения, отсюда вариант творчества как сакральной игры, высокого обмана, юродства – в варианте

позднего В. Быкова, В. Астафьева, В. Шукшина, В. Распутина. Сама по себе тема войны для каждого художника суть испытание таланта и разоблачение, тест на мужество, ибо с памятью необратимо приходит чувство вины, тяжкого страдания.

Через призму культурной мифологии, литературной традиции войну увидят авторы 2000-х. Здесь тексты культуры – универсальная возможность проникновения в толщу времени. Память о войне приобретает все большую катастрофичность, но она же может быть вечной, обостряющейся в предчувствии бедствий, как в поэзии М. Степановой. В актуальной литературе все большее место занимают темы предательства, дезертирства, войны как профессионального искусства, тяжкого послевоенного быта, пацифизма: поэзия В. Павловой [Плеханова, 2015, с. 69–88], пьеса О. Багаева «Русская народная почта» [Плеханова, 2017, с. 84–107].

Образы войны в прозе XXI в. вписаны в современные художественные практики и технологии. Таков роман И. Бояшова «Танкист, или «Белый тигр», замаскированный под фэнтези, отчасти напоминающий компьютерную игру; очень спорная, пацифистки ориентированная повесть Е. Водозазкина «Близкие друзья», подвеченная образами немецкой культуры и философии (Гете, Вагнер, Т. Манн, Вебер), где о полной бессмысленности войны говорят уже немецкие интеллектуалы; рассказ Г. Яхиной «Винтовка» (2015); роман, претендующий на эпичность, С. Самсонова «Соколиный рубеж» (2016), отсылающий к образам «Илиады» и приемам той же компьютерной игры. Война здесь – рок, преследующий человечество, как страшный «Белый тигр» Ваньку по прозвищу Смерть – Мертвого Водителя, вернувшегося с того света для отмщения Зверю: «А чуткий и нервный Ванька заслужил одного – быть авангардом настоящей Божьей грозы».

В романе действуют не люди – воплощенные идеи войны, где высокий героизм (образ Ивана Найденова) неизбежно сочетается с мародёрством, насилием (образ Крюка) и пьянством (образ Якута). В парадигму образа воина включены символы мировой культуры/памяти: *Череп* как воплощение Смерти, «*бригадный юродивый*», что служит «танковому Соваофу», *Летучий Голландец*, *Горгона Медуза*, *Идиот*, *Спиноза*, *Баимачкин*, *Кощей Бессмертный*, *Акакий Акакиевич*, для которого танк и есть шинель. Не менее насыщены и образы сопровождающих Ваньку героев-трикстеров – Крюка и Якута, за плечами которых маячат *Гвардеец*, «*химера войны*» и «*якутский Будда*», «*многорукый Шива*». Олицетворение апокалиптического Зверя – чудовищный танк – ассоциируется в романе с *Голиафом*, *Циклопом*, *Драконом*.

Созданные в XXI столетии фантастические, альтернативные истории о Великой Отечественной войне имеют и еще одно значение – они пишутся, чтобы разобраться из дня сегодняшнего в событиях далекой истории, понять, почему наша Великая Победа, завоеванная в 1945 вопреки Системе, оплаченная страшной ценой, не принесла стране обновления, не изменила социальной жизни и даже не смогла обеспечить защиту тем, кто вернулся победителем, преодолев ад. Такие истории напоминают стратегию шахматистов, которые разбирают старые партии, чтобы научиться хотя бы сегодня обдумывать, совершать верные ходы – то есть жить!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристов, Д. В.** «Окопная правда» – вчера и сегодня / Д. В. Аристов // Филологический класс. – 2010. – № 23. – С. 30–36.
- Астафьев, В.** Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001 / В. П. Астафьев. – Москва: Эксмо, 2012. – 896 с.
- Астафьев, В.** Правда – она огромна (Выступление в студии Останкино, 1979) / В. П. Астафьев // 15 встреч в Останкине. – Москва: Политиздат, 1989. – С. 7–27.
- Астафьев, В.** Собрание сочинений: в 15 т. / В. Астафьев. – Красноярск: ОФСЕТ, 1997. Т. 3. – 464 с.
- Бакланов, Г.** Без нас Родина не обойдется (Из встречи в концертной студии Останкина, 1987) / Г. Бакланов // 15 встреч в Останкине. Москва, 1989. – С. 266–282.
- Бакланов, Г.** Пядь земли. Роман. Повести. Рассказы / Г. Бакланов. – Москва: Советский писатель, 1989. – 768 с.
- Бернацкая, А. А.** Повесть Е. Водолазкина «Верные друзья» в лингвоидеологическом ракурсе / А. А. Бернацкая // Экология языка и коммуникативная практика. – 2017. – С. 128–143.
- Богомолов, В.** Срам имут и мертвые, и живые, и Россия... / В. Богомолов // Свободная мысль – XXI. – 1995. – № 7. – С. 79–103.
- Бочаров, А.** Человек и война: идеи социалистического гуманизма в послевоенной прозе о войне / А. Бочаров. – Москва: Советский писатель, 1973. – 480 с.
- Бояшов, И.** Танкист, или «Белый тигр» / И. Бояшов. – Москва: Лимбус-Пресс, 2019. – 224 с.
- Быков, В.** Избранное / В. Быков. – Москва: Художественная литература, 2004. – 512 с.
- Быков, В.** Карьер. Повесть / В. Быков. – Москва: Советский писатель, 1988. – 304 с.
- Быков, В.** Собрание сочинений: в 4 т. / В. Быков. – Москва: Советский писатель, 1986. Т. 4. – 446 с.
- Владимов, Г.** Генерал и его армия: в 2 кн. / Г. Владимов. – Москва: Терра, Кн. 2. 1995. – 285 с.
- Кардин, В.** Страсти и пристрастия: к спорам о романе Владимова «Генерал и его армия» / В. Кардин // Знамя. – 1995. – № 9. – С. 199–210.
- Ковтун, Н.** «Голоый человек» А. Солженицына на фоне «новой лагерной прозы»: pro et contra / Н. Ковтун // Филологический класс. – 2019. – № 2 (56). – С. 157–168.
- Ковтун, Н.** Нравственные максимы в повести В. П. Астафьева «Пастух и пастушка» / Н. Ковтун // IV Астафьевские чтения в г. Красноярске. Национальное и региональное в русском языке и литературе. Материалы Всероссийской конференции. – Красноярск: КГПУ, 2007. – С. 81–104.

Ковтун, Н. Человек перед выбором (о повести В. Быкова «Карьер») / Н. Ковтун // Филологический класс. – 2010. – № 3. – С. 17–21.

Ковтун, Н. «Демонологический» сюжет в повести В. Распутина «Живи и помни» / Н. Ковтун // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 2. – С. 232–241.

Ковтун, Н. Богоборцы, фантазеры и трикстеры в поздних рассказах В. М. Шукшина / Н. Ковтун // Литературная учеба. – 2011. – № 1. – С. 132–154.

Ковтун, Н. Проблема самоопределения человека на войне в творчестве В. Распутина / Н. Ковтун // Запечатленная победа: ключевые образы, концепты, идеологемы. Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 70-летию окончания Второй мировой войны. – Санкт-Петербург-Воронеж, 2015. – С. 122–136.

Ковтун, Н. В., Ларина, М. В. Переосмысление наследия Второй Мировой Войны в австрийской литературе конца XX века / Н. В. Ковтун, М. В. Ларина // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15 (№ 1). – С. 49–60.

Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950–1990 годы: в 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – Москва: Академия, 2003. Т. 1. – 416 с.

Лейдерман, Н. Л. С веком наравне. Русская литературная классика в советскую эпоху. Монографические очерки / Н. Л. Лейдерман. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2005. – 266 с.

Лиотар Ж.-Ф. Хайдеггер и «евреи» / Ж.-Ф. Лиотар. – Санкт-Петербург: Аxioma, 2001. – 187 с.

Маркова, Т. Н. Стилиевые трансформации военной прозы конца XX века / Т. Н. Маркова // Запечатленная победа: ключевые образы, концепты, идеологемы. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 173–176.

Нонака, С. Война и тропы: метонимический принцип в романах В. Гроссмана / С. Нонака // Запечатленная победа: ключевые образы, концепты, идеологемы. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 41–44.

Пастернак, Б. Доктор Живаго / Б. Пастернак // Новый мир. – 1988. – № 4. – С. 48–128.

Пленков, О. Ю. Национальное покаяние за нацизм в Германии в контексте сегодняшней европейской интеграции / О. Ю. Пленков // Вестник СПбГУ. – Сер. 2. – 2014. – № 2. – С. 91–100.

Плеханова, И. И. Новая драма: имена и тенденции / И. И. Плеханова. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. – 400 с.

Плеханова, И. И. Русская поэзия рубежа XX–XXI веков. Уч. пособие / И. И. Плеханова. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – 163 с.

Повести о войне. Сборник. – Москва: Известия, 1975. – 720 с.

Протоирей Сергей Булгаков. Икона и иконопочитание. Догматический очерк / С. Булгаков. – Москва: Искусство, 1999. – 448 с.

Распутин, В. Г. Что в слове, что за словом? / В. Г. Распутин. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. издательство, 1987. – 336 с.

Рыбальченко, Т. Тема войны в рассказах В. Шукшина / Т. Рыбальченко // Шукшинский вестник. – Барнаул: АлтГПУ, 2011. – С. 99–118.

Скаковская, Л. Н. Военная проза начала XXI века: темы, идеи, образы / Л. Н. Скаковская // Вестник Тверского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 107–113.

Топер, П. Человек на войне / П. Топер // Вопросы литературы. – 1961. – № 4. – С. 20–51.

Шукшин, В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1 / В. Шукшин. – Барнаул, 2009. – 364 с.

Jurgen, P. Der Historikerstreit und die Suche nach einer nationalen Identität der achtziger Jahre / P. Jurgen. – Frankfurt am Main: Verlag Peter Lang, 1995. – 222 s.

REFERENCES:

Aristov, D. V. «Okopnaya pravda» – vchera i segodnya / D. V. Aristov // Filologicheskij klass. – 2010. – № 23. – С. 30–36.

Astaf'ev, V. Net mne otveta... Epistolyarnyj dnevnik 1952–2001 / V. P. Astaf'ev. – Moskva: Eksmo, 2012. – 896 с.

Astaf'ev, V. Pravda – ona ogromna (Vystuplenie v studii Ostankino, 1979) / V. P. Astaf'ev // 15 vstrech v Ostankine. – Moskva: Politizdat, 1989. – С. 7–27.

Astaf'ev, V. Sobranie sochinenii: v 15 t. / V. Astaf'ev. – Krasnoyarsk: OFSET, 1997. Т. 3. – 464 с.

Baklanov, G. Bez nas Rodina ne obojdetsya (Iz vstrechi v koncertnoj studii Ostankina, 1987) / G. Baklanov // 15 vstrech v Ostankine. – Moskva, 1989. – С. 266–282.

Baklanov, G. Pyad' zemli. Roman. Povesti. Rassказы / G. Baklanov. – Moskva: Sovetskij pisatel, 1989. – 768 с.

Bernackaya, A. A. Povest' E. Vodolazkina «Vernye druž'ya» v lingvoideologicheskom rakurse / A. A. Bernadskaya // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. – 2017. – С. 128–143.

Bogomolov, V. Sram imut i mertvye, i zhivye, i Rossiya... / V. Bogomolov // Svobodnaya mysl' – XXI. – 1995. – № 7. – С. 79–103.

Bocharov, A. CHelovek i vojna: idei socialisticheskogo gumanizma v poslevoennoj proze o vojne / A. Bocharov. – Moskva: Sovetskij pisatel', 1973. – 480 с.

Boyashov, I. Tankist, ili «Belyj tigr» / I. Boyashov. – Moskva: Limbus-Press, 2019. – 224 с.

Bykov, V. Izbrannoe / V. Bykov. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 2004. – 512 с.

Bykov, V. Kar'er. Povest' / V. Bykov. – Moskva: Sovetskij pisatel', 1988. – 304 с.

Bykov, V. Sobranie sochinenii: v 4 t. / V. Bykov. – Moskva: Sovetskij pisatel', 1986. Т. 4. – 446 с.

Kardin, V. Strasti i pristrastiya: k sporam o romane Vladimova «General i ego armiya» / V. Kardin // Znamya. – 1995. – № 9. – С. 199–210.

Kovtun, N. «Goljy chelovek» A. Solzhenicyn na fone «nojvoj lagernoj prozy»: pro et contra / N. Kovtun // Filologicheskij klass. – 2019. – № 2 (56). – S. 157–168.

Kovtun, N. Nravstvennye maksimy v povesti V. P. Astaf'eva «Pastuh i pastushka» / N. Kovtun // IV Astaf'evskie chteniya v g. Krasnoyarske. Nacional'noe i regional'noe v russkom yazyke i literature. Materialy Vserossijskoj konferencii. – Krasnoyarsk: KGPU, 2007. – S. 81–104.

Kovtun, N. Chelovek pered vyborom (o povesti V. Bykova «Kar'er») / N. Kovtun // Filologicheskij klass. – 2010. – № 3. – S. 17–21.

Kovtun, N. «Demonologicheskij» syuzhet v povesti V. Rasputina «ZHivi i pomni» / N. Kovtun // Sibirskij filologicheskij zhurnal. – 2015. – № 2. – S. 232–241.

Kovtun, N. Bogoborcy, fantazery i trikstery v pozdnih rasskazah V.M. SHukshina / N. Kovtun // Literaturnaya ucheba. – 2011. – № 1. – S. 132–154.

Kovtun, N. Problema samoopredeleniya cheloveka na vojne v tvorchestve V. Rasputina / N. Kovtun // Zapechatlennaya pobeda: klyuchevye obrazy, koncepty, ideologemy. Materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoj 70-letiyu okonchaniya Vtoroj mirovoj vojny. – Sankt-Peterburg-Voronezh, 2015. – S. 122–136.

Kovtun, N. V. Pereosmyslenie naslediya Vtoroj Mirovoj Vojny v avstrijskoj literature konca XX veka / N. V. Kovtun, M. V. Larina // Gumanitarnyj vektor. – 2020. – T. 15 (№ 1). – S. 49–60.

Lejderman, N. L. Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990 gody: V 2 t. / N. L. Lejderman, M. N. Lipoveckij. – Moskva: Akademiya, 2003. T. 1. – 416 s.

Lejderman, N. L. S vekom naravne. Russkaya literaturnaya klassika v sovetskuyu epohu. Monograficheskie ocherki / N. Lejderman. – Sankt-Peterburg: Zlatoust, 2005. – 266 s.

Liotar Z.-F. Hajdegger i «evrei» / Z.-F. Liotar. – Sankt-Peterburg: Axioma, 2001. – 187 s.

Markova, T. N. Stilevye transformacii voennoj prozy konca HKH veka / T. N. Markova // Zapechatlennaya pobeda: klyuchevye obrazy, koncepty, ideologemy. – Sankt-Peterburg, 2016. – S. 173–176.

Nonaka, S. Vojna i tropy: metonimicheskij princip v romanah V. Grossmana / S. Nonaka // Zapechatlennaya pobeda: klyuchevye obrazy, koncepty, ideologemy. – Sankt-Peterburg, 2016. – S. 41–44.

Pasternak, B. Doktor ZHivago / B. Pasternak // Novyj mir. – 1988. – № 4. – S. 48–128.

Plenkov, O. Nacional'noe pokayanie za nacizm v Germanii v kontekste segodnyashnej evropejskoj integracii / O. Plenkov // Vestnik SPbGU. – Ser. 2. – 2014. – № 2. – S. 91–100.

Plekhanova, I. I. Novaya drama: imena i tendencii / I. I. Plekhanova. – Irkutsk: IGU, 2017. – 400 s.

Plekhanova, I. I. Russkaya poeziya rubezha HKH – HKH1 vekov. Uch. posobie / I. I. Plekhanova. – Irkutsk: IGU, 2015. – 163 s.

Povesti o vojne. Sbornik.– Moskva: Izvestiya, 1975.– 720 s.

Protoirej Sergij Bulgakov. Ikona i ikonopochitanie. Dogmaticheskij ocherk / S. Bulgakov.– Moskva: Iskusstvo, 1999.– 448 s.

Rasputin, V. G. CHto v slove, chto za slovom? / V. G. Rasputin.– Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izdatel'stvo, 1987.– 336 s.

Rybal'chenko, T. Tema vojny v rasskazah V. SHukshina / T. Rybal'chenko // SHukshinskij vestnik.– Barnaul: AltGPU, 2011.– S. 99–118.

Skakovskaya, L. N. Voennaya proza nachala HKHI veka: temy, idei, obrazy / L. N. Skakovskaya // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta.– 2015.– № 1.– S. 107–113.

Toper, P. CHelovek na vojne / P. Toper // Voprosy literatury.– 1961.– № 4.– S. 20–51.

SHukshin, V. Sobranie sochinenii: v 8 t. T. 1. / V. SHukshin.– Barnaul, 2009.

Vladimov, G. General i ego armiya. V 2 kn. / G. Vladimov.– Moskva: Terra, Kn. 2. 1995.– 285 s.

Jurgen, P. Der Historikerstreit und die Suche nach einer nationalen Identitat der achtziger Jahre / P. Jurgen.– Frankfurt am Main: Verlag Peter Lang, 1995.– 222 s.